УДК 811.111'255:82.09Ремарк ББК 81.432.1-7 Н 59

Нечай Ю.П.

Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия, nechay_ ur@mail.ru

Линке Н.О.

Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия_linke16@ list.ru

Образное осмысление слова как средство формирования иронии в художественной прозе Э.М. Ремарка и ее русских переводах

(Рецензирована)

Аннотация.

Объектом изучения является рассмотрение на базе языка художественных произведений немецкого писателя Э.М. Ремарка и их русских переводов проблемы ассиметрии между формой и содержанием, влекущей за собой неполное покрытие плана содержания планом выражения. Цель — раскрыть механизмы создания иронии и проанализировать языковые средства ее выражения в исследуемых текстах. При этом используется комплексная методика, предусматривающая компонентный, контекстуальный и сопоставительный виды анализа. С помощью иронии как содержательной категории художественного текста писателю удается передать эмоционально-оценочное отношение к изображаемой действительности. Научная и практическая значимость работы обусловлена тем, что и сам феномен иронии, и его исследование на базе языка художественной прозы Э.М. Ремарка остаются пока еще малоизученными. Делается вывод о том, что писатель в своих романах главную роль в создании имплицитных смыслов отводит лексико-семантическим средствам, возможности которых очень разнообразны.

Ключевые слова:

ирония, таксономия, стилистический прием, прямое и переносное значение, иронический смысл, иронический эффект, имплицитный, психологический портрет

Nechay Yu.P.

 $Kuban\ State\ University,\ Krasnodar,\ Russia,\ nechay_ur@mail.ru$

Linke N.O.

Kuban State University, Krasnodar, Russia, linke16@list.ru

Figurative understanding of the word as a means of forming irony in E.M. Remarque's prose and its translations into Russian

Abstract.

The object of the article is to consider the problem of asymmetry between form and content, which entails incomplete coverage of the content plan by the expression plan,

on the basis of the language of the works of the German writer E. M. Remarque and their Russian translations. The authors' goal is to reveal the mechanisms of creating irony and analyze the linguistic means of its expression in the texts under study. In this case, a comprehensive methodology is used, which provides for component, contextual and comparative types of analysis. With the help of irony as a meaningful category of a literary text, the writer manages to convey an emotional and evaluative attitude to the depicted reality. The scientific and practical significance of the work lies in the fact that both the phenomenon of irony itself and its study on the basis of the language of E. M. Remarque's fiction remain poorly studied. The authors arrive at a conclusion that the writer in his novels assigns the main role in creating implicit meanings to lexical and semantic means, the possibilities of which are very diverse.

Keywords:

Irony, taxonomy, stylistic device, direct and figurative meaning, ironic meaning, ironic effect, implicit, psychological portrait

Термин «ирония» служит, как известно, для обозначения разного рода явлений, например, языкового тропа, особых ситуаций, высказываемых отдельных философских идей и др. Само название *ирония* впервые появляется в древнегреческой литературе в комедиях Аристофана в отрицательном смысле и обозначает «обман», «насмешку», «хитрость» и т.д. Разработкой же видов смешного одним из первых занялся Аристотель, высказавший мнение, что ирония благороднее, нежели шутовство; ироник забавляет себя самого, а шут – другого [1].

Особую интенсивность таксономий иронии мы наблюдаем на рубеже XX и XXI веков, хотя ни одна из них не приводит к ощутимым результатам и троп по-прежнему не получает единой классификации. А причина кроется в том, что попытка выделения разных видов этого феномена в рамках единой классификации приводит к его очередному усложнению и дроблению. Поэтому многие исследователи склонны видеть в иронии «семантическую мешанину», способную вызывать множество ассоциаций и формировать различные нюансы интерпретации [2].

В современных словарях ирония, как правило, трактуется как «тонкая насмешка» и «стилистический прием, выражающий некое подобие насмешки». Например, в «Большом толковом словаре» под редакцией С.А. Кузнецова под этой категорией

понимается «1. Тонкая, скрытая насмешка. 2. Стилистический оборот, фраза или слово, в которых преднамеренно утверждается противоположное тому, что думают о лице или предмете» [3:398]. В «Словаре русского языка» В.И. Ожегова ирония трактуется как «тонкая насмешка, выраженная в скрытой форме» [4:218]. Следовательно, опираясь на все сказанное, мы можем обобщить, что ирония, выступая своего рода украшением языка, представляет собой довольно сложный и многосторонний феномен. Эта особенность бесспорна и обоснована ее частым присутствием в художественных произведениях. Тем не менее, ее распознание в ткани художественного текста вызывает часто определенные трудности, которые обусловлены недостаточным владением языком отдельных его носителей, а также этнокультурными особенностями говорящих на этом языке. Еще более сложное препятствие представляет собой трансформация иронии на другой язык. Такая необходимость обусловлена тем, что этот троп является одним из приемов, с помощью которого писатель стремится трансформировать читателю как личное отношение к соответствующей действительности, так и свою мировоззренческую позицию.

В исследованиях И.Р. Гальперина ирония понимается в виде стилистического приема, благодаря которому в слове «появляется взаимодействие

двух типов лексических значений: предметно-логического и контекстуального, базирующихся на отпротивоположности ношении противоречивости» [5:133]. Другими словами, потенциал данного тропа по своей природе достаточно широк и способен, без полного перекрытия предметно-логического словарного значения, актуализировать в контексте новое семантическое значение лексемы, которое в сознании читателя воспринимается уже вкупе с ироническим смыслом контекста [6, 7]. Из сказанного следует, что слово способно наполняться ироническим смыслом при наличии двуплановости его значения.

Эффект иронии в прозе Э.М. Ремарка зиждется на базе смысловой неоднозначности слова, а адекватное восприятие иронического смысла зависит от интеллектуального уровня читателя, его способности воспринимать и оценивать содержание, например: Willi klopft Eduard auf die Schulter. "Sie sind ein Kavalier! Andere Wirte hätten gejammert, dass wir ihnen einen Gast vertrieben hätten." "Ich nicht." Eduard lächelt. "Der Rohrstockschwinger hat hier noch nie eine anständige Zeche gemacht. Lässt sich nur einladen" [Remarque, Der schwarze Obelisk]. – «Вилли хлопает Эдуарда по плечу – Вы настоящий рыцарь! Другие хозяева начали бы ныть, что мы выжили их клиента! – А я нет, – Эдуард улыбается. – Этот поклонник бамбуковой палки ни разу здесь прилично не кутнул. Только и ждет, чтобы его пригласили другие» [пер. В. Станевич].

С помощью смысловой неоднозначности в лексемах ein Kavalier / рыцарь и Rohrstockschwinger / поклонник бамбуковой палки, Э.М. Ремарк представляет читателю приятный во всех отношениях образ Эдуарда. Образ же хозяина ресторана, с его взглядами, поступками и убеждениями, представлен абсолютно в противоположных тонах.

В последующем примере мы еще раз убеждаемся в том, что данному

тропу во многих случаях присущ диссонанс субъективного представления и объективного положения вещей, например: Kern lächelte. "Du rechnest nicht mit einem: mit der panischen Angst, die ein paar tausend Jahre Pogrome und Getto gezüchtet haben. Daran gemessen, sind die Juden sogar ein tollkühnes Völkchen. Und schlieβlich bin ich nur ein elender Mischling [Remarque, Liebe Deinen Nächsten]. - «Керн улыбнулся. - Ты не принял в расчет панического страха, который взрастили тысячелетия погромов и гетто. Если принять все во внимание, то это безумно смелый народ. Ну и, в конце концов, я ведь только несчастный гибрид» [пер. И. Шрайбера]. Здесь как раз мы отмечаем диссонанс субъективного представления и объективного положения вещей Und schließlich bin ich nur ein elender Mischling. - «Ну и, в конце концов, я ведь только несчастный гибрид». Подобного рода прием представления высказывания позволяет придать ему не только естественный оттенок, но эксплицировать иронический и эмоциональный оттенки.

Характерное для данного тропа несоответствие внешней формы слова его содержанию, позволяет автору сформировать дополнительные эмоционально-оценочные смыслы, и тем самым реализовать иронический эффект. Эту мысль как раз и подтверждает А.А. Уфимцева, отмечая, что «определенная автономия двух сторон словесного знака позволяет обозначающему обладать иными функциями, нежели его собственная, быть выраженным иными средствами, нежели его собственная форма знака» [8:30], на-Dann wandte er (der Blonпример: de – N.L.) sich an die Wachleute. "Was Sie hier sehen, ist eine Unterrichtsstunde in moderner Humanität. Ihr Erscheinen, die lechzende Hand am Gummiknüppel, war überflüssig, verstanden?" [Remarque, Liebe Deinen Nächstenl. - «Затем он (Блондин -Н.Л.) повернулся к дежурным. – То, что вы сейчас видели, - это урок

современной гуманности. Ваше появление, господа резиновых дубинок, здесь излишне, понятно?» [пер. И. Шрайбера]. Реализуя высказывания блондина, писатель, использует семантическую двуплановость слова и наделяет их дополнительным семантическим значением.

Вопрос окказионального расширения семантической наполняемости слова затрагивает в своих исследованиях и У. Вейнрейх, отмечая, что «в рамках некоторого данного текста некоторым знакам приписываются значения, более богатые, чем значения тех же самых знаков вне данного контекста, или как-либо иначе отличающиеся от этих последних» [9: 170]. В функциональнопрагматическом плане многие слова в условиях контекста, имея свое собственное номинативное значение, начинают эксплицировать дополнительные окказиональные имплицитные значения и смыслы, ценность которых может быть намного выше, чем их прямое значение: Еіпе Gruppe Polizisten lief den Korridor entlang. Sie rissen die Türen auf. Einer mit Schulterstücken kam heran. "Was habt ihr denn da?" - "Zwei Vögel, die übers Dach verduften wollten" [Remarque, Liebe Deinen Nächstяen]. - «Πο коридору бежали полицейские. Они распахивали двери. Один из них, в погонах, подошел ближе. – Ну, что у вас? – Два птенчика. Собирались улететь через крышу» [пер. Е. Никаева]. Вложенная в уста одного из полицейских фраза Zwei Vögel, die übers Dach verduften wollten – «Два птенчика. Собирались улететь через крышу» свидетельствует о негативном отношении к действиям полицейских не только самого автора, но формируют априори подобное и у читателя.

В текстах романа имеют место и случаи присутствия иронии не только в прямой речи героев романов, но и в размышлениях самого автора, что является не случайностью, а коммуникативной целью: Kern kam nachmittags in Prag an. Er ließ seinen

Koffer am Bahnhof und ging sofort zur Polizei. Er wollte sich nicht melden: er wollte nur in Ruhe nachdenken, was er tun sollte. Dazu war das Polizeigebäude der beste Platz. Dort streiften keine Polizisten umher und fragten nach Papieren [Remarque, Liebe Deinen Nächsten]. – «Керн добрался до Праги во второй половине дня. Он оставил чемодан на вокзале и сразу же отправился в полицию. Он не хотел заявлять о себе, он хотел только спокойно подумать о том, что ему делать. И здание полиции было самым подходящим местом для этого. Там не рыскали полицейские и не спрашивали документов» [пер. Е. Никаева].

Особую роль в формировании иронических построений играют в романах и изобразительные средства, такие как метафора, сравнение, олицетворение, гипербола, метонимия, литота и др., роль которых заключается в усилении выразительности и красочности речи: Er(Rabe – N.L.) stand in seinem weißen Unterzeug wie ein müdes, freundliches Gespenst im halbdunklen Zimmer und sprach die Verse des Wiegenliedes langsam, mit monotoner Stimme vor sich hin, die erloschenen Augen in die Nacht vor dem Fenster gerichtet [Remarque, Liebe Deinen Nächstenl. -«Он (Рабе – Н.Л.) стоял в полутемной комнате в белом нижнем белье, словно усталый приветливый призрак, и читал стихи - медленно, монотонно, глядя погасшими глазами в ночь за окном».

Случайный признак, употребленный писателем в качестве сравнения — wie ein müdes, freundliches Gespenst — «словно усталый приветливый призрак», позволил в самых ярких тонах передать образ жалкого человека — узника, который не мог спать ночами, вследствие нарушения психика, надломленной бесконечными ночными допросами в карпере.

Несмотря на своеобразие образов героев и антигероев в двух войнах XX века в художественной литературе, всем прогрессивным писателям,

в том числе и Э.М. Ремарку присуща общая черта – стремление донести до читателя правдивое ее изображение. Противоречия, возникающие при описании художественных полотен тех страшных времен писатель доносит до читателя самыми разными способами, в том числе и противопоставлениями, рассматривая контрасты в отношениях героев и событий часто с позиции стороннего наблюдателя: Georg betrachtet die Asche der Brasil. Sie ist schneeweiß. "Der Krieg ist viereinhalb Jahre vorbei," doziert er. "Damals sind wir durch maßloses Unglück zu Menschen geworden. Heute hat uns die schamlose Jagd nach Besitz aufs neue zu Räubern gemacht" [Remarque, Der schwarze Obelisk]. – «Георг смотрит на пепел сигареты. Пепел бел как снег. – После войны прошло четыре с половиной года, - наставительно отвечает он. - Тогда безмерное несчастье сделало нас людьми. А теперь бесстыдная погоня за

собственностью снова превратила в разбойников» [пер. В. Станевич]. Несмотря на то, что смысловое и стилистическое несоответствие между словами полностью отсутствует, но наличие в высказывании яркого контраста противопоставлений ассоциирует у читателя чувства иронии.

Таким образом, наши размышления приводят к мысли о тесной когерентности иронии с экспрессивно-образным и эмоционально-оценочным употреблением языковых единиц, базирующихся на принципе семантической двуплановости. Ироническая трансформация семантики слова влечет за собой отношения несоответствия, противоречия между узуальными и окказиональными значениями, порождающие импликацию определенного содержания, являющуюся авторской субъективной оценкой предметов и явлений действительности. В этом как раз и заключается механизм порождения иронии [16].

Примечания:

- 1. Аристотель и античная литература / отв. ред. М.Л. Гаспаров. Москва: Наука, 1978. 230 с.
- 2. Gurewitch M. The Ironic Temper and the Comic Imagination. Detroit: Wayne State University Press, 1994. 249 p.
- 3. Большой толковый словарь русского языка / под ред. С.А. Кузнецова. Санкт-Петербург: Норинт, 1998. 1535 с.
 - 4. Ожегов С.И. Словарь русского языка. Москва: Русский язык, 1985. 797 с.
- 5. Гальперин И.Р. Стилистика английского языка. Москва: Высшая школа, 1977. 332 с.
- 6. Нечай Ю.П., Олейник М.А. Языковые средства экспликации иронии в художественных текстах Э.М. Ремарка: лингвопрагматический аспект // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер.: Филология и искусствоведение. 2016. Вып. 1 (172). С. 52-57.
- 7. Нечай Ю.П. Языковые средства и способы экспликации модальной оценки (на материале языка романа Э. Войнич «Овод») // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер.: Филология и искусствоведение. 2012. Вып. 1 (96). С. 267-272.
- 8. Уфимцева А.А. Лексическая номинация // Языковая номинация. Виды наименований. Москва: Наука, 1977. С. 187-189.
- 9. Вейнрейх У. О семантической структуре слова // Новое в лингвистике. Москва: Прогресс, 1970. С. 158-162.
- 10. Ремарк Э.М. Черный обелиск / пер. с нем. В. Станевич. Москва: АСТ, 1998. 479 с.
- 11. Ремарк Э.М. Возлюби ближнего своего / пер. с нем. И. Шрайбера. Москва: ACT. 1998. 428 с.

- 12. Ремарк Э. М. Ночь в Лиссабоне / пер. с нем. Ю. Плашевского. Москва: АСТ, 2014. 285.
 - 13. Remarque E.M. Der schwarze Obelisk. Berlin: Aufbau-Verlag, 1965. 462 S.
- 14. Remarque E.M. Liebe Deinen Nächsten. Köln: Verlag Kiepenheuer & Witsch, 1998. 558 S.
- 15. Remarque E.M. Die Nacht von Lissabon. Köln: Verlag Kiepenheuer & Witsch, 1998. 330 S.
- 16. Цепордей О.В. Ирония как категория художественного текста (на материале языка романов Э.М. Ремарка и их переводов на русский язык). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ironiya-kak-kategoriya-hudozhestvennogo-teksta-na-materiale-yazyka-romanov-e-m-remarka-i-ih-perevodov-na-russkiy-yazyk/viewer (дата обращения: 20.02.2021)].

References:

- 1. Aristotle and ancient literature / ed. by M.L. Gasparov. Moscow: Nauka, 1978. 230 pp.
- 2. Gurewitch M. The Ironic Temper and the Comic Imagination. Detroit: Wayne State University Press, 1994. 249 pp.
- 3. The Big explanatory dictionary of the Russian language / ed. by S.A. Kuznetsov. St. Petersburg: Norint, 1998. 1535 pp.
- 4. Ozhegov S.I. Russian Linguage Dictionary. Moscow: Russkiy yazyk, 1985. 797 pp.
- 5. Galperin I.R. Stylistics of the English language. Moscow: Vysshaya shkola, 1977. 332 pp.
- 6. Nechay Yu.P., Oleynik M.A. Language means of an explication of irony in literary texts of E.M. Remarque: linguo-pragmatic aspect // Bulletin of the Adyghe State University. Ser.: Philology and the Arts. 2016. Iss. 1 (172). P. 52-57.
- 7. Nechay Yu.P. Language means and ways of an explication of a modal assessment (as shown by the language of the novel by E. Voynich «Gadfly») // Bulletin of the Adyghe State University. Ser. Philology and the Arts. 2012. Iss. 1 (96). P. 267-272.
- 8. Ufimtseva A.A. Lexical nomination // Language category. Types of names. Moscow: Nauka, 1977. P. 187-189.
- 9. Weinreich U. On the semantic structure of the word // The New in Linguistics. Moscow: Progress, 1970. P. 158-162.
- 10. Remarque E.M. The Black obelisk / translated from German by V. Stanevich. M.: AST, 1998. 479 pp.
- 11. Remarque E. M. Love your neighbor / translated from German by I. Shreiber. Moscow: AST, 1998. 452 pp.
- 12. Remarque E.M. The Night in Lisbon / translated from German by Yu. Plashevsky. Moscow: AST, 2014. 285 pp.
 - 13. Remarque E.M. Der schwarze Obelisk. Berlin: Aufbau-Verlag, 1965. 462 S.
- 14. Remarque E.M. Liebe Deinen Nächsten. Köln: Verlag Kiepenheuer & Witsch, 1998. 558 S.
- 15. Remarque E.M. Die Nacht von Lissabon. Köln: Verlag Kiepenheuer & Witsch, 1998. 330 S. Tsepordey O.V. Irony as a category of a literary text (based on the language of E.M. Remarque's novels and their translations into Russian). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ironiya-kak-kategoriya-hudozhestvennogo-teksta-na-materiale-yazyka-romanov-e-m-remarka-i-ih-perevodov-na-russkiy-yazyk/viewer (access date: 20.02.2021).